

Андрей Агафонов

*Somebody
to Kill*

Кинороманы

Андрей Агафонов

Somebody to kill. Кинороманы

«Издательские решения»

Агафонов А.

Somebody to kill. Кинороманы / А. Агафонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748845-1

В одной книге собраны три сценария, сюжетно и по смыслу связанных между собой. Убийство губернатора, выборы, гражданская война в России и восстание вампиров — все это так или иначе отражает происходящее сейчас.

ISBN 978-5-44-748845-1

© Агафонов А.
© Издательские решения

Содержание

Somebody to Kill	6
1. Дмитрий	6
2. Главный	7
3. Штаб	8
4. Дмитрий	9
5. Серый дом	10
6. Олег	11
7. Дмитрий	12
8. Олег	13
9. Брифинг	15
10. Дмитрий	16
11. Скамейка	18
12. Маньяк	20
13. Штаб	21
14. Бар «Фредди»	22
15. Улица	23
16. Заговорщики	25
17. Газета	26
18. День тишины	27
19. Ночь выборов	29
20. Олег	31
21. Холодные закуски	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Somebody to kill
Кинороманы
Андрей Агафонов

© Андрей Агафонов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Somebody to Kill

1. Дмитрий

Я смотрю на дверь и жду, когда смогу в нее постучать.

Дверь обита дерматином, кое-где порванным. Как ни странно, дырки придают обивке некую основательность, некую укорененность в чем-то.

В затылок мне светит тусклая желтая лампочка.

Я уже замерз здесь стоять, на лестничной площадке «сталинки» в центре города.

Я стучу.

Щелкают замки, открывается дверь внутрь, в темную прихожую. В темной прихожей бледное лицо моего друга.

– Что вы решили? – спрашиваю я, чуть не стуча зубами. Замерз.

– Выйди, – говорит он.

Она выходит из комнаты, замирает позади него. Темно, я не вижу ее лица.

– Скажи ему.

– Мы решили остаться вместе, – говорит она.

– Ты уверена?

– Да.

– Я больше не приду сюда, – говорю я, чувствуя себя полным идиотом. – Никогда. Ты же понимаешь это?

– Да. Мы решили.

Вот и все. Можно уходить. Ноги не держат, и, спустившись на этаж, я вынужден сесть на ступеньки. Руки свисают между колен. Я горблюсь. Тяжело дышать. Это пройдет.

Я выхожу из подъезда в тихий двор-колодец, прохожу аркой и оказываюсь в сверкающем огнями центре. Мимо идут люди, компаниями и поодиночке, снуют машины, близко и далеко горят фонари.

Я стою на автобусной остановке, среди старушек и студентов. Рядом тормозит автомобиль. С пассажирского сиденья выбирается крепкий парень в кожаной куртке, берет меня за плечо и толкает к машине. После некоторого сопротивления я сажусь на заднее сиденье. Дверца захлопывается. Автомобиль сворачивает за угол и увозит меня навстречу убийству.

2. Главный

– Дима, сейчас ты где? – спрашиваю я у трубки. Ситуация смешнее не придумаешь. Моего автора держат в заложниках.

– В спортзале, – вяло говорит трубка, – или в раздевалке. По крайней мере, вокруг спортсмены.

– Молодец, что шутишь. Дай трубку главному.

– Але.

– Здравствуйте, что у вас произошло?

– Дмитрий Латкин – ваш человек?

– Мой.

– Ну, поздравляю, попали вы вместе с Димой.

– Еще раз спрашиваю, что случилось?

– У вас утром вышла его заметка про то, чего не было, с теми, кого лучше не называть.

– Дайте опровержение, мы напечатаем.

– А толку? У нас уже серьезные неприятности. Они уже произошли.

– Ну, то есть вы решили, что похитите журналиста, и у вас неприятностей станет меньше? – позволяю себе смешок. Немного нервный.

– Ну, смотрите. Как мы это видим. Опровержение – это само собой. Только оно должно быть не на отъебись, а с новыми фактами. Факты мы дадим. Что касается Димы...

– Дима – талантливый журналист, но иногда его заносит.

– Ну, в этот раз его занесло не туда. Поэтому вот сейчас будет так – или он уходит из газеты при полном параде. То есть вы пишете, что он вас впутал и сам мудака. Вместе с опровержением. Или он вообще никуда не уходит. Как скажете, так и будет.

Соображать приходится быстро. На часах полвторого ночи. Из того, что успел сказать Дима, я более-менее представляю обстановку. Накуренное помещение, серьезные ребята. Он щерится своим кривозубым ртом, думает, что это все комедия.

Смотрю на свежий номер газеты с его заметкой и фотографией. «Кабзон навестил не того парня».

– Спасибо, – говорю я. А что я могу сказать?

3. Штаб

Пять утра. Дым слоями. На офисной мебели спят люди неофисного вида. В глубоком и высоком кресле босса дрыхнет технолог, взгромоздив ноги в итальянских туфлях на стол из темного дерева. Под столом пустая бутылка Johnny Walker. За соседним столом азартно матерят друг друга двое сотрудников, тыча пальцами то в Макинтош, то в бумаги на столе.

– Мы за две недели хоть усремся, но столько не нагоним. Бесполезно.

– Ну, давай че, соберемся и домой поедим завтра, да? И скажем – мы молодцы, у нас клиент был действующий губер, и мы просрали. За-е-бись!

– А что ты предлагаешь-то? Он же не единоросс! У него ресурса – хуй! Наше все зачищают! Плакаты рвут! По ящику мочат! По ящику, блядь! Против него идет Валодин, блядь!

– И че, блядь?!

– Да ниче, блядь! Что ты предлагаешь-то? Вот же соцпросы. Мы в жопе.

– Ну, давай его убьем.

– Кого? Валодина?

– Хорош ржать, блядь. Нашего.

– Самострел, что ли? Да это же тухлятина, ты че. Это давно уж не работает. Это даже в «Дне выборов» уже не смешно было.

– Слушай. Давай вот серьезно поговорим. Не ори. Не ори! Давай серьезно. Сколько здесь кинотеатров?

– Ну, охуеть серьезно.

– Один! Это столица региона, блядь! Один кинотеатр! Два зала, приколись. Один называется «розовый», другой «голубой». Да, блядь, хорош ржать! Я тебе отвечаю! Розовый, блядь, и голубой! И афиши от руки нарисованы! Да здесь, что хочешь прокатит!

– Ты забываешь одну вещь. Ты сам об этом сказал две минуты назад. У нас нет каналов коммуникации. Мы можем придумать любую шнягу, но про это просто никто не узнает. Никто не напишет. Никто не покажет. То есть можно придумать и менее хитровыебанный способ пернуть в лужу. Это раз. А второе, я, блядь, на всех кампаниях это говорю – я против самострелов! Потому что все, кто чуть поумнее, блядь, ящика, сразу поймут, что это подставка, и эффект будет строго обратный.

– Вот поэтому, – внезапно вмешивается спавший за соседним столом технолог, – покушение должно быть настоящим.

– Ну, пиздец...

4. Дмитрий

Я в своей квартире, стремной однушке на первом этаже, с решетками на окнах и газетами вместо штор. Я мрачен. Слушаю Ноториуса – Самбадиз гатта дай, самбадиз гатта дай! В комнате кроме меня куча людей, моих коллег, теперь уже бывших. Они орут, смеются, едят салаты из банки рядом со мной, в метре от меня, в лицо мне. Но я их не слышу. Самбадиз гатта дай!

– Ну, Ди-има! – трясет меня за плечо Маринка из новостей. Я нехотя возвращаюсь в реальность. – Ну, перестань. Мало вокруг женщин?

– Да как-то все сразу навалилось, – виновато говорю я. Мне неловко, что меня уволили без малейшей вины с моей стороны. Просто редактор решил спасти газету за счет моей задницы, – Ни любви, ни работы. И предьявить некому. Сам кругом облажался.

– Сергеич – козел! – убежденно говорит Маринка, выдыхая сигаретный дым. – Зассал из-за губернатора. Тебя сдал, кого следующего сдаст?

– Ну, вообще-то, Митя, – вдруг вмешивается лысый Борис, – ты такими заметками играешь на руку едросне. Ах, губернатор не встретился с Кобзоном, ах, «синие» обиделись. Читай – губернатор у нас урка. Да? За две недели до выборов. Отличная тема. Как раз для первой полосы.

– Боря, что ты от меня хочешь? – вскипаю я. – Они сами пригласили, сами подставились. Я написал то, что было. Теперь оказывается, что ничего не было, Кобзон не прилетал, и вообще я все выдумал, потому что алкоголик.

– Я просто к тому, что удобно так все совпало.

– Ты мне если что-то хочешь сказать, так скажи. По-твоему, заметка заказная?

– Сергеичу виднее. А тебя, может, и втемную использовали.

– А объясни мне, пожалуйста, Олежку нельзя трогать только потому, что он не в «Единой России»? Так он бы там давно был, если бы на нем столько криминала не висело! Он даже для них – чересчур! Это же не вопрос предпочтений! Че вы все с ума-то сходите?

– Я пошла, – говорит поскучевшая Маринка. – Вы про политику опять.

– Провожу? – подсказывает Боря.

– Проводи...

И вот я один в квартире, наедине с развороченным столом, недоеденным салатом и сломанным диваном.

– Атлична! – говорю я и швыряю в стену бутылку с пивом.

5. Серый дом

Вид на улицу. Тетка с двумя большими сумками наискосок пересекает перекресток. По разные стороны улицы – ЦУМ и концертный зал филармонии. Прямо под окнами – большое пустое пространство, огороженное железным забором. На другой стороне улицы кое-как лепятся десятки машин.

Молодой человек с хорошей прической, вздохнув, отходит от окна и снова садится за стол. Напротив, вольготно положив ногу на ногу, сидит давешний технолог.

– Павел Анатольевич, – говорит молодой человек, – меня поражает ваша наивность.

– Я с первого раза понял, что вы хотели сказать, – говорит технолог. – Пьяный бред в шесть утра, это даже обсуждать несерьезно. А стукачку вашему привет.

– Ну, зачем так. Бред не бред, а вы лицо официальное, руководитель предвыборного штаба. Зарплата у вас хорошая... Законная?

– Абсолютно. Согласно контракту. Налогом не облагается.

– А вас не смущает, что ваша зарплата и зарплата юриста, если их сложить, это уже половина предвыборного фонда вашего кандидата?

– А меня почему это должно смущать?

– Ну, на что-то же печатаются газеты, листовки. Разносчикам деньги нужно платить, агитаторам...

– Агитаторы у нас работают бесплатно. Какие-то расходы я беру на себя. Мы друзья с Олегом.

– А год назад дружили с кандидатом от КПРФ в Новосибирске. С кем еще вы дружите, Павел Анатольевич?

– Давайте я не буду называть фамилий, чтобы вам потом не пришлось забыть этот разговор. А то если я начну, то уже не остановлюсь.

– Остановитесь, Павел Анатольевич, остановитесь. Вы сейчас наговорите себе. Предложение к вам такое – вы забываете наш разговор, я забываю ваш пьяный треп в помещении КЗК девятого восьмого. Ну и само собой, если вдруг нечаянно с нашим губернатором что-то произойдет до выборов, в шутку или серьезно, я первым делом подумаю о вас. И разговор у нас тогда будет совсем другим.

– А, только до выборов, значит?

– До свиданья, Павел Анатольевич.

Оставшись один, молодой человек выключает диктофон в столе, делает запись в лежащем перед ним старинного вида органайзере. Хватает себя за подбородок и сидит молча. Звонит телефон.

– Иду, – говорит молодой человек в трубку. – Уже иду.

6. Олег

Мне просто нужно выйти наружу.

За спиной остается желтый прямоугольник двери, в нем шевелится что-то белое и розовое. Впереди темный коридор длиной с футбольное поле.

На мне, кажется, халат.

Я физически чувствую, как остатки волос на голове колют мою голову корнями. Я слышу шум в голове, и он нарастает. Где-то слева лают собаки. Вероятно, там есть выход.

С диванчика вскакивает охранник, я останавливаю его, просто мотнув головой.

Впереди брезжит свет, в голове дребезжит телевизор.

– Недавний скандал с недвижимостью, по слухам, принадлежащей семье губернатора, до сих пор вызывает вопросы. Как получилось, что новенький торговый центр, на строительство которого было потрачено более полумиллиарда казенных рублей, оказался частной собственностью? Кто ответит за...

– Отвечу. За все отвечу... – бормочу я.

Собака бросается мне навстречу из дверей на террасу, внезапно, огромная, черная. Я едва не падаю. Хватаю ее за лапы, за шею. Она неистово лижет мне лицо.

– Магда, Магда! Перестань! Прекрати! Магда, дура!

– Магда! – звенящий голос жены. Как я ее ненавижу...

Собака, заскулив, прыгает в сторону и исчезает где-то в сияющем далеке. Больно смотреть в ту сторону. Похоже, что давно уже день. Я падаю в бассейн, как раненый бегемот. Халат всплывает надо мной, огромный, белый, пустой. Я выныриваю на другом конце бассейна, трясую головой, выбираюсь наружу. Прохожу мимо столика. На нем газета с моей фотографией и слоганом «За все отвечаю лично!»

Я иду, оставляя за собой след.

Из дома за мною недобро следит охранник. С кобурой подмышкой.

7. Дмитрий

У меня была надежда, что я со временем стану здесь своим, как Егор. И ко мне, нежно улыбаясь, будет склоняться официантка в блузке с вырезом. И девушки у бара будут делать мне ручкой. И потом присаживаться за мой депозитный столик.

А пока что Егор по-хозяйски развалился на диванчике, я сижу напротив в кресле, а сбоку наливает себе какое-то модное пойло стильный типок в белой рубашке.

– Спасибо, что пришел.

– Спасибо, что позвали. Уже и не надеялся.

– Да, замотались...

Повисает неловкая для меня пауза длиной примерно с километр.

– Так чего ты хотел, Митя? – спрашивает Егор.

– А, вот так построим разговор?

– Хорошо. Как ты хочешь построить разговор?

– Я напомню, – говорю я и чувствую, что мой голос начинает дрожать, – что месяц назад ты ко мне пришел и говорил, чего хочешь ты, и что за это получу я.

Типок сбоку хмыкает. На меня по-прежнему не смотрит.

– И там была должность в вашей телекомпании. И... много чего еще.

– Окей, – говорит Егор. – Получается, мы тебя обманули.

– Я этого не говорю, – торопливо говорю я.

– Давай я объясню, – говорит типок. – К тебе вопросов никаких нет.

– И на том спасибо.

– Но сейчас твоя заметка как мертвому припарка. Эти выборы Олежка просрал. Он бухает. Шансов ноль. Мы его уже не мочим. Через две недели он будет в Швейцарии. Или где угодно. Собственно, похуй. Вопрос по нему решен.

– Вопрос по мне не решен.

– Ну, смотри, – снова Егор. – То, что мы тебе обещали, мы сейчас не можем дать. Форс-мажор. Месяц назад никто не знал про Володина. Так что, старик... Мы сами тут сидим и не знаем, где будем после выборов. Расклад поменялся.

– Что-нибудь будете? – ласково спрашивает официантка в блузке с вырезом, наклоняясь ко мне. Я смотрю на Егора, он кивает.

– Пиво, пожалуйста.

– Обидно, да? – говорит типок, когда официантка отходит. – Смотреть можно, трогать нельзя.

Егор начинает оглушительно, совершенно по-лошадиному ржать.

8. Олег

Вот уже час я смотрю на нее как на дочь, и мне это начинает надоедать.

Мы сидим в привычном помещении без окон, много кожи, много маленьких лампочек, стол с едой и столик с зеркалом. На ней какая-то одежда, но я смотрю не на одежду. Оливковая кожа, волосы сзади собраны в хвостик, полные красные губы, крупноватый нос, блестящие темные глаза. Волоски на руках. Начало груди. Голый живот. Белые носочки. Я что-то говорю. Она смеется.

– Так ты здесь работаешь?

– Подруга работает, она администратор зала.

– Зала?..

– Это там, – она показывает за спину, – я оттуда пришла!

Смеется. Зубы красивые, крупные, белые, ровные. Розовый язычок мелькает между зубами.

– А я оттуда, – машу в направлении потолка, – и туда.

Показываю вниз, на ковер.

– Ты смешной! И милый.

– Ты хорошая, – говорю я.

– Я обычная.

– Не спорь, я умею отличать, хороший человек или плохой. Или добро от зла. Тебе сколько?

– Я не помню. Чем занимаешься?

– Будешь еще?

Мы вынюхиваем по дорожке. Она пристукивает трубочкой.

– Осторожно! Это очень дорогая трубочка теперь, – шучу я.

– Так чем ты занимаешься?

– Я мужчина, – говорю я, – ты девушка. Чем мы тут занимаемся?

– Не знаю...

– Иди сюда, – говорю я.

Она послушно поднимается со своего кресла и встает передо мной. Невысокая. Даже сидя, я смотрю ей в вырез. Она подходит ближе. Я сжимаю ее ноги своими коленями. Пальцами берусь за края ее блузки, тяну вверх. Выпрыгивают грудки – небольшие, с маленькими розовыми сосками. Она гладит меня пальцами по затылку. Слышу, как она дышит. Все так серьезно. Я беру в рот сосок, чуть сжимаю зубами. Она вцепляется мне в затылок, ее ноготь впивается мне в кожу.

– Ты что делаешь, сука!

– Что-о?!

Она вырывается, я хватаю ее под колени и валю на ковер.

– Тебе не нравится, что я назвал тебя сукой? Прости, солнышко! Прости, милая! Лежи, с-сука!

Она пытается кричать. Я зажимаю ей рот. Музыка становится громче. Some! Body to love! Some! Body to love! Перед глазами мелькают желтые и красные пятна. Я проваливаюсь куда-то.

Меня хватают чьи-то руки, поднимают, одевают. Ведут. Меня опять куда-то тащат. Я оглядываюсь и вижу на ковре то, что осталось. Меня поражает жестокость моих спутников. Они как будто не видят ее. Как будто ее и не было. Они не смотрят на нее. Уже в двери я почти выскальзываю из железной хватки охранника и ору:

– Эй! Эй! Она там вообще как?

- Идите в машину, Олег Михайлович.
- Она живая?
- Идите в машину!

9. Брифинг

На экране – симпатичная холодная ведущая в розовом.

– С заявлением по поводу похищенной и убитой школьницы сегодня выступил губернатор области Олег Смолин.

Губернатор в темном пиджаке и белой рубашке. Лицо больное, мешки под глазами. Голос хриплый, но на высотах звенит. За спиной – задник с надписью «Администрация ...ской области» и гербом. В кадре – несколько микрофонов.

– Нас часто обвиняют в том, что мы неправильно ведем дела. Мы не той партии. Мы грубые. Мы готовы договариваться с уголовниками, с ворами. Да, мы готовы. С ворами! Но не с убийцами и насильниками. Мы готовы говорить с настоящими мужиками. Что в этом понимает человек, который сегодня приехал, завтра уехал? Все эти люди, которые не могут даже с дивана встать, с кресла встать. Что они могут сделать? Они могут только возмущаться и гадить. Работа не делается в белых перчатках. Любая работа – это кровь и пот. И грязь. И я вам гарантирую. Я отвечаю. Мы будем работать сутками. Но тех, кто убил эту девочку, мы найдем. И порвем. До суда не доживут. Спасибо, у меня все.

– Выступление губернатора уже вызвало возмущение у правозащитников. Известный адвокат Марк Белецкий заявил, цитирую, что «подобные призывы к самосуду со стороны представителя власти, более того, апология самосуда и самооправдание – это страшно. Это в очередной раз демонстрирует нам, в какой стране мы живем». Вместе с тем, впервые за всю избирательную кампанию рейтинг действующего губернатора поднялся выше, чем...

Последние слова ведущей тонут в грохоте аплодисментов, звоне стекла и воплях. Сотрудники штаба губернатора чокаются, обнимаются, тискают друг друга в объятиях.

– Никитин, сука, это твой лучший текст! – орет главный технолог, хватая за уши своего сотрудника, одного из тех двух ночных креативщиков.

Пустая тихая пенсионерская квартира. Старый телевизор 4 на 3. В воздухе как будто висит запах лекарств. Слышен плач и причитания. В расфокусе какие-то люди суетятся у постели. На стене – фотографии детей разного возраста, мальчика и девочки. В девочке мы узнаем убитую школьницу.

Серый дом. Тот же сюжет по ТВ. В кабинете двое – известный нам молодой человек и хлыщеватый старичок в богемном пиджаке.

– Что думаешь? – осторожно спрашивает старичок.

– Что думаю? – от хорошей прически осталось воспоминание, глаза у молодого красные, рот кривится от сдерживаемой истерики. – Что думаю?! Я убью этого пидараса, я сам его убью! Я убью его-о!..

Он нервно рыдает, колотит руками по столу. Старичок в растерянности зажмуривается.

10. Дмитрий

Отец говорит мне:

– Ты все равно туда пойдешь?

На нем белая рубашка с коротким рукавом, которую носят поверх, а-ля пятидесятые, какие-то брюки, которые хочется назвать чесучевыми, волосы зачесаны копной назад. Совсем седые. Я вижу за его головой сияющее синее небо, по которому разбросаны гламурные белые облака. За спиной отца – уходящая в бесконечность Аллея Героев, с белыми гипсовыми статуями. Красная и желтая листва деревьев, ветер треплет волосы ему и мне. Я оборачиваюсь. Передо мной высокое крыльцо Дома правительства. От подножия до высоких дубовых дверей выстроилась очередь. Телевизионщики, газетчики, какие-то странные люди в свитерах. На входе всех прогоняют через рамку металлоискателя. В холле толкотня и душно. Лица полицейских лоснятся. На них черная форма, металлические знаки различия посверкивают в полосах света.

Рядом с металлоискателем мужчины в костюмах снимают с крючка цепь, жестами подзывают меня.

– Вы из «Ведомостей»?

– Да, – говорю я и протягиваю удостоверение и аккредитацию до 2015 года.

– 15 этаж, пожалуйста, – равнодушно говорит один.

– Я знаю.

Зайдя в лифт, я вижу в зеркале себя – всклокоченного, в светлом пиджаке с темными пятнами подмышками. Я расстегиваю пуговицы на пиджаке, за ремнем слева мелькает рукоятка пистолета.

На пятом этаже лифт останавливается, в него заходит мой друг.

– Ты что здесь делаешь? – спрашивает он. – Тебя же уволили.

– А кто знает? – смеюсь я. Мы едем дальше. Я вижу, как пот бежит по его лицу.

– Ну как вы? – спрашиваю я. – Все нормально?

– Мы решили остаться.

– Расстаться?

– Остаться! Ты что, глухой?

– Я просто шучу, извини. Ты все время говоришь – мы решили остаться, мы решили остаться. Неделю назад ты говорил то же самое. Как будто вы застряли там.

– Это ты застрял.

– Поосторожнее! – ору я. – У меня тут пистолет! Я тебя убить могу.

Лифт рывком останавливается так, что я чуть не валюсь с ног. Наступает тишина.

– Эй! – кричу я. – Лифт застрял! Э-эй!

Такая тишина, будто в огромном здании я один, и на дворе ночь. Вне себя, я выхватываю пистолет и начинаю долбить рукояткой в стены и дверь лифта. Грохот такой, что я сейчас оглохну.

Внезапно створки двери разъезжаются, и я слышу шум голосов, посвист микрофона, вижу конференц-зал, заполненный людьми. На трибуне в глубине – Смолин в белом костюме и черной рубашке. Я лицом к лицу с ним, на расстоянии примерно в тридцать шагов. Передо мной – только спины. В рубашках, платьях, пиджаках. Я протискиваюсь вперед, сжимая рукоятку под пиджаком. Все ближе и ближе. Губернатор смотрит мне прямо в глаза и чуть заметно усмехается.

– Мы найдем их и порвем, – говорит он, – до суда не доживут.

Почти у самой сцены я натываюсь на голую мужскую спину, на ней вытатуирован Храм Христа Спасителя. Ошарашенно озираюсь по сторонам – но никому как будто нет дела до голого мужика.

Он оборачивается.

Передо мной стоит почерневший, страшный, синий от наколок Иосиф Кабзон.

Я просыпаюсь в незнакомой убогой квартире с минимумом мебели, на смятой простыне, рядом с тахтой валяются джинсы и футболка. Пепельница, полная окурков, часть из них – тонкие, с белыми фильтрами, испачканными красной помадой.

– Принеси попить, – говорю я и чувствую, что голоса нет совсем. Так что «принеси» получается пискляво, а «попить» не получается совсем.

– Сходи сам, – огрызается официантка. Сейчас на ней ничего нет. – Мне тоже плохо... Она со стоном откидывается на подушку.

11. Скамейка

– Про Кабзона смешно, – говорит Алексей. – А насчет удостоверения это правда? У тебя же должны были его забрать, когда уволили.

– Это у вас сразу забирают, и еще ножницами режут. А у нас без фанатизма. Так что в принципе сон реальный.

– Ну да, не считая пистолета.

Мы сидим на скамейке в парке. Я все еще болею с похмелья. Алексея сейчас с трудом можно узнать – обычно лощеный, сегодня он небрит, глаза красные, во всем облике чувствуется остервенение.

– Эта твоя Лиза из бара... Как ты думаешь, она могла ее видеть?

– Возможно. Я могу точно сказать, что заметил пару серьезных таких ребят, которые заходили в випку. Еще подумал – интересно, кто.

– Мы знаем, что он там был. И мы знаем, что там произошло.

– Даже спрашивать не хочу.

– Я до сих пор отцу не позвонил. Не могу.

Он прерывисто вздыхает.

– Тема такая. Его пиарщики мастырили на него покушение. Мы узнали, припугнули их. Есть запись разговора. Если с ним что-нибудь случится...

– Слушай, кончай свои разводки. Я помню, как вы Маринку слили. Кормили ее шнягой, а потом, когда менты приперли, сказали, что не при делах.

– Я сейчас не от конторы действую, а от себя. К тому же, как я тебя солью, ты уже слился откуда только можно.

– Чего ты хочешь?

– Я хочу его достать.

– Нереально. Эти люди – неприкасаемые. И для меня, и для тебя. Ты ничего не можешь ему сделать.

Это я, наверное, зря сказал. Проходит некоторое время, прежде чем он опять может говорить.

– Слушай, Дима. Я знаю, ты считаешь меня выскочкой. Но, по сути, мы оба выскочки. Просто идем разными путями. Еще в школе было понятно, что вот Паша Чирва – он будет в порядке. Какие бы у него не были оценки. Женя Бастриков – с его папой – с ним тоже все сразу было ясно. А мне пришлось выгрызть себе будущее. Я же посадский. А ей... Если бы я знал, куда она ходит...

– Сочувствую, Леш...

– Я уже на этой работе понял, что бесполезно. Мы туда не перепрыгнем никогда. Это каста. Ты можешь быть талантливым, умным, самым распрекрасным, но тебя туда не пустят. И меня. Потолок – оперуполномоченный. Все, что выше – голос крови. Дяди, тети, племянники...

Алексей пинает урну рядом со скамейкой.

– Ты, кстати, в курсе, что Пашу пятый год Интерпол ищет?

– Нет, не знал. Но что это в общем раскладе меняет?

– Он за моей сестрой ухаживал. Двоюродной. Подарки дарил.

– За Ленкой?

– Ага. Она его бортанула. Так он пришел, когда тетя Света дома была, и все подарки из шкафа выгреб. Не пропадать же добру.

– Смешно, – Алексей морщится. – Слушай, Дима. Ты же умный. Скажи мне одну вещь.

– ?

– Как жить с такой болью? Это же невыносимо.

– Не знаю. Я никогда такой боли не переживал. Одно дело с кем-то расстаться. Ты ее потерял, но она все-таки живет, она где-то есть. И то... особого смысла нет. Особенно, в первые дни. А тут... не знаю, Леш. Честно.

12. Маньяк

В ночном клубе к стойке протискивается мужик лет сорока. Приветливо кивает сидящей рядом гламурной кисе. Та отворачивается. Мужик подзывает бармена. Тот не торопясь подходит, смотрит в упор.

– Сделай мне «Секс на пляже», – говорит мужик.

– Свалил отсюда на хуй, – отвечает бармен, глядя на мужика немигающими глазами кобры.

– Эээ, ты чего?!

– На хуй с пляжа!

Мужик замечает, что на него смотрят. Он неловко поднимается с табурета у барной стойки, чуть не падая, и идет в гардероб, бормоча: «Колхозники, блядь!»

Школьный двор. Девочки-старшеклассницы чинят разборки. После фразы «Да ты овца!» одна из старшеклассниц валит другую на землю и бьет ногами. За происходящим наблюдает человек в капюшоне, его руки засунуты в карманы. К нему подходят двое крепких ребят явно не школьного возраста в спортивных костюмах, срывают капюшон. Под ним – больное, испуганное, желтое лицо урода. Урода отводят в сторону и начинают бить. Молча, без криков, но на совесть.

По ночной улице идут в обнимку мужчина средних лет и молодая симпатичная девушка. Проходят мимо сидящих на ограждении гопников, невольно ускоряя шаг. Вслед им – смех, свист, один кричит: «Перепутала! Перепутала!» Мужчина останавливается, оборачивается, девушка хватает его за руку и сквозь зубы говорит: «Идем!» Но поздно, их догоняют. Через несколько минут мужик с разбитой головой лежит на асфальте неподвижно, а девушка визжит: «Папа! Папочка!»

Сходка закончилась, люди прощаются с хозяином. Самый старый и самый толстый из гостей протягивает губернатору лапу, поросшую рыже-седым волосом, унизанную золотом. С чуть заметным акцентом говорит:

– Давай, Олег! Найдем этого пьдараса!

– Спасибо, Бадри. Спасибо. Пора город спасать.

– Скажи толко, – говорит Бадри уже тихо, стоя к губернатору вплотную – ты ни в какую нас блюду не втравишь?

– О чем ты?

– Эээ, выборы-шмыборы. Прости, так спросил просто. Не хотелось бы перед пацанами петрушкой быть потом.

– Бадри, я тебе отвечаю, все как я сказал. До сих пор не подводил тебя. И ты меня не подведи.

Обнимаются, целуют друг друга в щеки, хлопают друг друга по плечам.

Оставшись один, губернатор садится на диван. Он прекрасно выглядит.

13. Штаб

Помещение без окон. Лампы дневного света. На одной стене висит белый экран, на другой – карта области и подробный график работ. Длинный стол темного дерева, за ним сидят люди неофисного вида. Технолог Павел Анатольевич отличается от других – он сегодня в костюме с галстуком, надушен парфюмом, имеет торжественный вид.

– Итак, друзья мои, – приветствует он собравшихся, – сначала о хорошем. Все ваши гонорары до конца кампании я получил. За это не переживайте. Что касается премии в случае выигрыша, об этом разговариваем сейчас с Олегом. Сам факт он подтвердил, что касается конкретных цифр, тут идут качели. Думаю, сегодня-завтра мы это утрясем. Теперь по СМИ. Вчера внезапно позвонил Непомнящий и спросил, не хотим ли мы у него что-нибудь разместить.

Взрыв хохота за столом.

– Спокойнее, друзья, спокойнее. Гниды почуяли, куда ветер дует, теперь они будут за нами бегать. Я, честно говоря, не вижу необходимости им платить. Ситуэйшен перевернулся. Пусть они нам платят, если хотят. Теперь по врагам. Семен?

– У едросов все как обычно. Пикеты, буклеты, креветки-салфетки. 38 щитов насчитали сегодня с Лешей. Завтра ожидается приезд Володина.

– То есть до выборов осталась неделя, и тут он, наконец, приезжает? Красавчик! – не сдержался кто-то за столом.

– С губернатором встречаться не планирует, – хладнокровно заканчивает Семен.

– Как и губернатор с ним. Кто он такой вообще?

Все снова хохочут.

– Что с Мищенко?

– По всему слился. Агитаторов нет уже неделю. Возможно, ляжет под Володина. Если тот захочет.

– А тот захочет!

– Никитин! Шутник, бля!

– Паша, а что, кстати, клиент, как он? Вышел из штопора?

– Олег вообще радуется. В полной завязке. Работает плотно. Говорит все, что мы ему скажем. Рома Никитин, тебе отдельное спасибо. Олег говорит – текст ложится. Передай райтеру, что он сработал на совесть.

– Лучше деньгами, Паша.

– Обсудим потом. Извините, друзья, сейчас у меня срочная встреча с людьми Володина.

– С КЕМ?!

– С кем слышали. Они что-то хотят предложить.

Очередной взрыв веселья.

– Ребята, а вы слышали, что в городе происходит? – спрашивает девочка-юрист. – Якобы маньяка ловят. Кого-то до смерти забили.

Повисает гнетущая тишина.

14. Бар «Фредди»

Под плачущий русский рэп две девушки профессионально полуснимают с себя одежду на подиуме.

– Тишина ведет на яркий свет ночей!

А я бы тебе все отдал, да только я и сам ничей!

Егор и Дмитрий в кабине курят кальян. Прежнего спутника Егора не видать. Атмосфера расслабленная. Периодически в кабину, улыбаясь, заглядывает Лиза.

– Ну, как дела-то вообще? – интересуется Егор.

– Да как дела, живем, хлеб жуем. Дожевываем... – Латкин криво улыбается.

– Есть у меня к тебе тема...

– Внезапно у всех есть ко мне тема. А тебе-то чего, Мищенко же слился?

– Друзья попросили поговорить. Фанаты твоего творчества, – Егор тоже как-то криво улыбается, – Они работают на Володина. Регион не знают, времени в обрез. Им нужна убойная чернуха на Олега. С деньгами там не очень, Володин, сука, жадный. Но хоть что-то. Интересует?

Он протягивает Дмитрию шланг. Тот, прежде чем ответить, задумчиво вдыхает дым, выпускает через ноздри, пускает колечки.

– А почему, – новая затяжка, – с деньгами-то не очень? Они же, сука, всю Россию раком поставили.

– Так вот поэтому они и считают, зачем платить? Для них это как-то даже унизительно, платить. Ты, конечно, можешь поторговаться... Но я считаю, если поработаешь с ними сейчас удачно, это хороший задел на будущее. Я даю твой номер?

– Давай.

– Есть какие-нибудь соображения? Что будешь делать?

– Есть кое-что.

– Не поделишься?

– Я не понял, кто заказчик-то – ты или Володин?

Дмитрий протягивает Егору шланг.

– Нет, спасибо, побегу.

– Все хорошо? – Лиза заглядывает в кабинку.

– Все отлично. Позови кальянщика, пожалуйста, пусть угли поменяет. И мне чай.

– Хорошо.

Мутная тень мелькает в дверях – Егор выходит на свет. Латкин устраивается поудобнее, смотрит в потолок, пускает дым. За занавеской две полуобнаженные девушки продолжают отплясывать под меланхоличный русский рэп.

15. Улица

Прекрасный день ранней осени. Яркое солнце, синее небо, разноцветная листва. Возле «замороженного» торгового центра потихоньку на пустырь сбредается народ. Сверху люди похожи на муравьев, а зеленый фургончик, к которому они идут – на бронзового жука. Слышно как бодрый голос сзывает толпу в мегафон. Вот мы видим уже спины, затылки, загривки, их приличное количество, с визгом шин тормозит черное авто, с заднего сиденья выпрыгивает губернатор, забирает мегафон у зазывалы.

– Здравствуйте, мои дорогие. Простите, что встречаемся здесь, вот так, на улице. Это позор, что глава региона не может увидаться со своими избирателями в более подходящей обстановке. С другой стороны – разве нам тут плохо? Вы слышите меня? Видите меня?

– Слышим! Видим! – говорят люди.

– И я слышу вас и вижу! И я могу вам рассказать, почему так происходит! Вы знаете, что нашу область превращают в колонию! Мы 80 процентов доходов своих отдаем в Москву! Чтобы взамен нам присылали проституток и педерастов! Простите меня за грубое выражение. А что мы имеем с наших денег? Самые высокие коммунальные тарифы в стране? Чубайса в каждой затычке?

– Так вы же губернатор! – кричит Смолину молодой человек в бейсболке. – Это же вы должны сделать так, чтобы этого не было!

– Я должен? – улыбается губернатор. – Ну, иди сюда, расскажи нам, как я должен действовать, когда в областной думе все скупили Мищенко и Колодяжный! Ты же знаешь, кто это такие? Сколько я пытался через эту Думу провести? Сколько социального жилья построил? Два дома за последний год. А хотел двадцать! А кто выступал против? Колодяжный, Мищенко. «Единая Россия»! ЛДПР! И эсеры заодно с ними. Это все одна шайка. Они верстают тот бюджет, который нужен Москве. Мы планомерно убыточный регион, потому что нас грабят. Потому что все головные офисы крупных компаний – в Москве! Семьи Колодяжного и Мищенко – в Москве!

– А ваша – в Швейцарии!

– Моя семья – здесь! Со мной! Иди сюда, ты, подстилка! Я тебя на третьем митинге уже вижу! Сколько платят-то?

Молодой человек теряется в толпе.

– Люди! Вы же не дураки, сами все видите. Подсылают своих провокаторов, стукачей, иуд. На каждом митинге несколько человек задают вопросы, рассказывают небылицы. В газетах вы про меня читаете, что я мультимиллионер, алкоголик, наркоман, скоро напишут, что я детей ем и старушек пытаю! Да?! Смолин шутливо приобнимает стоящую поблизости пенсионерку. Все смеются.

– Это люди без чести, без совести делают, которые плевать хотели на область, на город, на всю Сибирь. Да и на Россию. Вдумайтесь – кто крупнейшие владельцы недвижимости в городе? Мищенко, Колодяжный и Шафран. Кто заправляет в Думе? Шафран, Мищенко, Колодяжный. Кто владеет крупнейшими газетами и телеканалами? Колодяжный, Шафран, Цеперович. Что вы хотите, чтобы они вам рассказывали? Что я хороший? Да я им как кость в горле! Мы им не нужны, не интересны. Мы для них рабы.

– Как дела с расследованием убийства? – спрашивает угрюмый мужик в тренировочных штанах.

– Ищем! – вздохнув, отвечает Смолин. – Поставил на уши всех, полицию, ФСБ. Хочу, чтобы вы понимали – выборы закончатся, а жизнь на этом не заканчивается. Я вам говорю – если я забуду про эту девочку, вы можете здесь же меня растоптать, на этой площади. Я готов

сердце у себя вырвать и раздавить ногой, когда про нее думаю. Отец старик чуть с ума не сошел, вчера у него был в больнице. Инсульт.

Толпа участливо вздыхает.

– Что с пенсиями будет?

– Я вам скажу, чего не будет. Вот это все, что вам девочки и мальчики в синих накидках рассказывают – этого всего не будет. Это все ложь, галдеж и провокация. Они живут от выборов до выборов, думают, все забыли, как они ввали в 2003-м, в 2007-м, каждый год они врут. Ссы в глаза – скажут, божья роса. Народ живет все хуже, инфляция съедает ваши проценты, которые вам с барского плеча кидают. Единственное, что я, как глава региона, могу сделать – и, как глава региона, делаю – это развивать благотворительность и создавать рабочие места. У меня много друзей в малом и среднем бизнесе, и они помогают. Иногда прямо тем, на кого я скажу. Вы все это знаете.

– Бандиты? – выкрикивает кто-то из толпы.

– Бандиты, – светло улыбается губернатор, – их и так называют. Для меня они друзья и помощники, и для вас всех. Они единственные, кто не дает Москве область порвать окончательно в лоскуты. А вы против, что ли? Бандиты вам не нравятся?

Смех в толпе.

– Лучше уж бандиты, чем бандеровцы! – закрепляет эффект губернатор.

– Так что думаете? Победим Валодина-то? – спрашивает старичок.

– А вы сами как считаете? Это же от вас только зависит! Давай, дед, приходи в воскресенье на участок, старушку свою приводи! А лучше всех своих старушек! Тогда точно победим!

Счастливые смеющиеся лица.

Затемнение.

16. Заговорщики

Оживленный перекресток в центре. Двое с сотовыми телефонами у висков двигаются навстречу друг другу. Один машет другому рукой – мол, вижу. Сходятся. Пожимают друг другу руки. Вот уже сидят в машине, разговаривают. Люди пролетают мимо как осенние листья.

– Только это должно быть что-то совсем убойное, – говорит на прощание первый.

– Будет, – отвечает Дмитрий.

Они прощаются, Дмитрий выходит из машины. Несколько секунд глядит вслед удаляющемуся автомобилю, затем достает сотовый. Еще порыв ветра – и он с Алексеем сидит на прежней скамейке на набережной.

– Ты сказал – вы знаете, что это сделал он. Есть видео с камер?

– Видео нет. В випке точно нет. Это кабак «синих», но по уговору нейтральная территория. Поэтому там все и встречаются.

– Тогда откуда ты знаешь?

– У нас источник в команде губернатора.

– И?

– Он приехал уже неадекватный. Со служебного. Поэтому официантам сказали не заходить. Как туда попала девушка, – Алексей сглатывает, – непонятно. Возможно, привел кто-то из охраны. Она была там больше двух часов. Когда зашли...

– Дальше.

– Дальше его убрали, девушку вытащили потом, якобы пьяную, увезли в другой машине. Где ее нашли, ты знаешь.

– Ты же понимаешь, для чего я тебя спрашиваю?

– Понимаю. Но никаких ссылок на меня или на контору.

– Это само собой, – Дмитрий встает со скамейки первым. Хлопает Алексея по плечу: – Держись.

– Ага, – Алексей смотрит перед собой сухими глазами.

Дмитрий в баре «Фредди». В привычной уже кабинке. Заглядывает Лиза:

– Кальянщика позвать?

– Присядь. Разговор есть...

После некоторого колебания Лиза садится напротив.

17. Газета

Штаб «Единой России». Несколько человек в костюмах замерли перед монитором за спиной у Дмитрия. Один бьет его по плечу, второй звонит по сотовому.

– Отправляй.

Дмитрий щелкает мышкой.

В городе празднично, деревья желтые и красные, ходят люди в накидках агитаторов, таскают знамена. На площади идет очередной митинг губернатора, толпа вокруг все больше. Внезапно из толпы выдергивается мужичок, бросается на губернатора с ножом. Его тут же скручивают, валят на землю и сдают полицейским. Губернатор улыбается и чуть заметно облизывается.

В типографии маленького городка печатают тираж газеты. На первой полосе – фотография: крупный план искаженного лица губернатора. Вверху надпись: «За все отвечаю лично!» Внизу – более крупно – «ЛЕЖИ, СУКА!»

В типографии только двое. Один в комбинезоне, другой в куртке. Тот, который в куртке, передает первому деньги. Вдвоем они загружают тираж в «Газель».

– Это пиздец, – говорит первый, когда погрузка закончена.

– Это жизнь, – отвечает второй.

Бойко бежит «Газель» по выщербленной дороге, подпрыгивая на выбоинах. Уже вечер. На въезде в город машину останавливает ГИБДД. После недолгого диалога водитель и полицейский расстаются, довольные друг другом. «Газель» въезжает в город. В переулке она останавливается, подходят люди, перегружают пачки газет в багажники легковых машин.

Одна из легковушек останавливается около многоквартирного дома, сидящий рядом с водителем крупный мужчина подходит к двери подъезда, достает связку электронных ключей, прикладывает «таблетку», дверь послушно пикает, студенты с пачками газет заходят в подъезд и быстро рассовывают газеты по ящикам.

По лестнице сверху сбегает дюжие мужики и кладут студентов мордой в пол. Выдергивают газеты из ящиков. Один ящик по старинке заперт на висячий замок, достать газету не удается. Тогда к нему подносят горящую зажигалку.

Пылает весело. Потолок в подъезде начинает быстро покрываться копотью.

Студентов выталкивают на улицу, заталкивают в микроавтобус. Один из дюжих достает сотовый:

– На Красноармейской зачистили.

– Мне пару газет оставьте, остальное сжечь, – говорит голос в телефоне. – Что с остальными?

– Работаем.

18. День тишины

Знакомый кабинет в Сером доме. Включен телевизор.

– Напоминаем, сегодня так называемый день тишины, когда запрещена любая политическая агитация. Возмутительный инцидент случился накануне, когда сотрудниками силовых структур была пресечена масштабная провокация против одного из кандидатов в губернаторы. Подметная газета без выходных данных распространялась по ящикам сторонниками другого кандидата. Обстоятельства провокации выясняются, но уже сегодня понятно, на чем строился расчет авторов – оклеветанный кандидат просто не успел бы ответить.

Наш эксперт Марк Белецкий прокомментировал ситуацию:

– К сожалению, не все способны удержаться в цивилизованных рамках предвыборной борьбы, видя, как желанная и такая уже близкая победа буквально ускользает из-под носа. Я могу только выразить сожаление, что люди, которым безразлично будущее нашей области, которые не ощущают себя здесь своими, способны на подобные...

– Ну и так далее, – хозяин кабинета выключает телевизор. – Что скажешь, Дима?

– Скажу, что я тебя не понимаю. Я вообще тебя не понимаю. Ты сам-то понимаешь, что творишь? Своими руками?

– А именно? Что, по-твоему, я творю? – Алексей внимательно смотрит на Латкина.

– Лучше ты сам скажи.

– Хорошо, я скажу, – продолжает скучным голосом, – была пресечена попытка незаконной агитации против одного из кандидатов, выразившейся в распространении порочащей честь и достоинство печатной продукции, где содержались утверждения о причастности действующего губернатора к убийству Алены Бессоновой. Распространители задержаны, в настоящее время дают показания. Скоро надеемся выйти на заказчиков. Ну а дальше уголовное преследование, суд, тюрьма. Такими вещами не шутят.

– Предположим, что ваш кандидат проиграет.

– Он не наш кандидат. У нас нет кандидатов. Это у вас они есть – кто заплатит, тот и кандидат.

– Какая же ты сука.

– Эмоции, Дмитрий Григорьевич, эмоции. Расскажите лучше, кто вас попросил написать этот текст, откуда брали информацию, откуда фото и видеоматериалы. Если мы сумеем договориться, гарантирую – в отношении вас никакого уголовного преследования не будет.

– В отношении нас?

– В отношении вас, Дмитрий Григорьевич.

– А я, честно говоря, вообще не понимаю, при чем тут я.

– То есть?

– Без «то есть». С чего вы, Алексей Батькович, взяли, что я имею отношение к выпуску этой газеты или чего там, комикса? Мои отпечатки пальцев на чемодане – где? Как ко мне относится газета, весь тираж которой уничтожен? Я в других газетах работаю обычно.

– Дмитрий Григорьевич, ну вы же понимаете, мы можем пойти и другим путем. Стилистическая экспертиза, показания свидетелей. Но тогда мне уже трудно будет облегчить вашу участь.

– А можете – так и идите. Другим путем. Подсказать куда? Пропуск подпишите, будьте добры.

Алексей ставит росчерк на белом бумажном квадратике. Латкин выхватывает пропуск из пальцев Бессонова. Останавливается в дверях:

– Не для протокола. Хуйло ты, Леша. Понял? Пока.

Камера задумчиво поднимается с непроницаемого лица Алексея на стену с портретом президента.

19. Ночь выборов

На ветру качается фонарь, освещающий физиономию Валодина на плакате. Свет выхватывает часть слогана: УЩЕЕ ЗА НА

Идет дождь.

За окнами офиса гремит музыка. Somebody's gotta die, somebody's gotta die!

В офиселюдно, пьяно, шумно. На столах бутылки коньяка, водки и виски, пластиковые стаканчики испачканы томатным соком. Мониторы сдвинуты. Бумаги разбросаны.

– Мы прошли по лезвию, ты понимаешь это? По лезвию, блядь! – технолог Павел обнимает райтера Никитина. – Пятьдесят два, сука, процента!

– Понимаю, Паша, – говорит грустный и трезвый Никитин.

– Вячеслав Валодин уже поздравил с победой своего конкурента, действующего губернатора Олега Смолина, – холодно говорит ведущая с экрана плазмы, – правда, поздравление это пришлось принести заочно, поскольку, где сейчас губернатор, остается неизвестным.

– Я уважаю волю избирателей, – говорит осунувшийся Валодин, – и поздравляю всех нас с победой того, кого жители региона сочли наиболее достойным. Со своей стороны, хочу сказать, что...

– Отсоси! – показывает фак экрану технолог Павел. – Со своей стороны!

В соседнем кабинете девочка-юрист, сидя на краю стола, хохочет над тем, что говорит ей собеседник из высокого кресла. Отсмеявшись, говорит:

– Вы знаете, а я вас сперва так боялась! Я с такими людьми не общалась никогда!

– Да перестань, – говорит Смолин. – Какими такими, я такой же, как и все. За то и любят. Он поднимает ко рту стакан с коньяком, маскируя улыбку.

– Да конечно, рассказывайте!

– Нет, я серьезно. Но вы молодцы, ребята, – меняет он тему, – я видел, как вы работали. За деньги так не пашут. Душу надо вкладывать.

– Так интересно же!

– Интересно? Что?

– Столкновение характеров. Постоянный форс-мажор. Решения нужно принимать быстро и правильные. Драйв!

Смолин смотрит на нее с грустной улыбкой.

– У меня дочка твоего возраста. В Швейцарии сейчас. Я все думаю, может, зря ее с самого детства оградил от всего? У нее все хорошо, но...

– Что? – Женя вопросительно улыбается.

– Ну, нет в ней такой энергии, как в тебе. Жизни такой не чувствуется.

Он улыбается ей в ответ. Чуть виновато.

– Женя. Женя! – зовет девочку-юриста из коридора бледный Никитин.

– Ну что?

– Выйди на секунду, надо.

В коридоре он хватается Женю за руку и тащит к выходу.

– Никитин! – смеется Женя. – Ты что, ревнуешь?!

– Я тебя п-посажу, – говорит он, заикаясь. – Вон такси стоит, отвезет тебя.

Вытаскивает ее на улицу, сажает в такси.

– И телефон отключи! – кричит вслед отъезжающему такси. – Высп-пишись хоть...

Последнее смешное оправдание Женя выслушать не успевает.

В окно своей квартиры за отъезжающим такси смотрит Алексей. Немного подумав, набирает номер на сотовом:

– Бадри Автандилович, извините за поздний звонок, из Управления вас беспокоят. Старший лейтенант Бессонов. Я по поводу информационных материалов, которые посылал вам сегодня днем. Получили? Да. Да. Бессонов. Я хочу сказать... Одну минуту. Хочу добавить, что достоверность материалов может подтвердить сотрудник охраны губернатора. Максим. Фамилию сейчас не вспомню, если надо, утром уточню. Да. По этому телефону. Всего доброго.

20. Олег

Инаугурация. Я прохожу мимо полицейского поста, кивнув на ходу. Моментально вскочивший полицейский, с грохотом опускается на свой стул. Внизу, в холле перед конференц-залом, понемногу собираются приглашенные. Мужчин я знаю всех, их спутниц – через одну. На почти обнаженных грудях сверкают нитки драгоценностей, колют иглами бриллианты в ушах и на пальцах. Мужчины, как на подбор, пузаны с обветренными физиономиями и багровыми загривками, галстуки лежат на животах. Я, впрочем, и сам такой же. Я тяжело дышу, даже когда просто смотрю на них. А мне еще спускаться.

Один охранник впереди, двое сзади. На лестнице пролетом ниже толкотня – журналистов пропускают через рамку металлодетектора, заставляют открывать кофры и сумочки, придирчиво осматривают камеры, штативы. Меры безопасности приняты. Но я знаю, что сегодня все кончится.

В президиуме восседает Валодин. Он не торопясь встает мне навстречу, протягивает руку, улыбается. Сверкают вспышки, шелкают затворы. Хочется пригнуться. Я иду к трибуне и вижу, как из боковой двери, там, где охрана, выходит незнакомый парень, и в руке у него определенно не фотоаппарат. Чувство небывалой легкости обдает меня, я распахиваю пиджак, чтобы ему было легче целиться, и с улыбкой делаю шаг навстречу. Аллилуйя!

Тонна ледяной воды бьет меня в голову, грудь и в плечи. Я сажусь на кровати, промокшей насквозь. Комната быстро наполняется людьми в кожаных куртках и спортивных штанах. Тяжело отдуваясь, в комнату входит Бадри. Усаживается в кресло. С ним какая-то девица в юбке мини. Примостилась на краешке кресла. Ноги белые, жирноватые.

– Ну, здравствуй, Олежек, – говорит Бадри. – Разговор у меня к тебе.

– Максим, – говорю я, пытаюсь всплыть на поверхность, – в чем дело?

– Так разговор к вам, а не ко мне, – пожимает плечами Максим.

– А позвонить нельзя было? – спрашиваю я у Бадри недовольно.

– Нельзя было, – грустно отвечает он. – Серьезный разговор. Так что там с убийцей девочки? Скажешь мне?

– Нет пока новостей, Бадри. Что будет – тебе первому сообщу, ты знаешь. Это повод вламываться?

– Не хочешь говорить, – еще больше грустнеет Бадри. – Скрываешь от меня. Максим, может, ты расскажешь тогда?

– Да поздно я зашел, – говорит Максим. Слушаю его, как сквозь вату. – Она уже мертвая была.

– Что видел, говори.

– Что видел... Этот в одной рубашке был. Белой. Только жопа его жирная под рубашкой елозила. Отгащили, он невменяемый. «Она в порядке? Она в порядке?!» Сука такая, тварь, блядь! – Максим кидается на меня, но его успевают перехватить.

Я мертвею. Внутри как в компьютерной игре что-то отрывается и падает, падает вниз.

– Бадри...

– В моем доме, – тихо говорит Бадри. – В моем доме.

– Бадри! Не было этого! Я клянусь! Дочкой! Я не помню этого!

– Ты понимаешь, да, каких людей я подписал. Ты понимаешь, мы все сделали для тебя, да. А ты... не помнишь. Ой, как нехорошо... Лизонька, налей мне водички...

Девица снимается с кресла и идет на кухню. Головы братков поворачиваются за ней следом. Я опрокидываю ближайшего, бросаюсь к двери – из ярко освещенной комнаты в темный холл, там лестница, второй этаж, там пистолет.

И попадаю ногой в теплый сугроб. Лечу головой вперед. Резкая боль в глазах, слезы брызжут, как у клоуна, струями. Голова кружится. Меня поднимают, тащат обратно в комнату. Мимо трупа Магды.

А я и не вспомнил о ней.

– А ты не знаешь, Олег, – невозмутимо продолжает Бадри со стаканом воды в руках, – куда у меня администратор пропала на следующий день? Блондиночка такая ебливая, Светлана. Тоже не помнишь, наверное, да?

Я мотаю головой. Звезды в глазах.

– Не помнишь? Дома нет ее, не звонила никому. Я беспокоюсь за нее. Не беспокоиться мне?

– Бадри... я все исправлю... ну что мы, как дети...

– Как дети, говоришь. Ах ты, шакал. Шени дэда мутели шевеци. Пи-да-рас. Максим, мальчик, можно.

– Я перегорел, – говорит Максим, – можно я просто посмотрю.

– Можно, дорогой! Кузя, Рябой, берите барсука, ваш он теперь.

Двое берут меня как узел с грязным бельем и швыряют на пол. Я вижу, как у Бадри трепещут в ноздрях серые волосы. Он запускает руку под юбку Лизе. Две дегенеративные хари склоняются надо мной. Так близко, что я вижу обломки желтых клыков в их разъявленных ртах.

– Ну что, чушок, тебя нам отдали. Ты понял, да?

Лиза щелкает пультом от музыкального центра. Играет мое любимое – постепенно прибавляя голоса и звука – *Some-body to lo-ove, some-body to LO-OVE, LO-OVE, LO-OVE!*

За окнами проносится время, сгибаемая деревья, сбиваемая складками воду в бассейне, разрывающая небо. Уже поздний вечер, почти ночь. Я почти ослеп, потерял голос – я не знал, что мужчина может так визжать – вижу какие-то багровые лохмотья. Подозреваю, что это мое лицо. Где-то за километр в белом кресле сидит белый Бадри, строгий, верный, справедливый, честный Бадри, неумолимый Бадри... Но нет, он милует меня. Он говорит своим псам – отойдите. Они расступаются. Музыка стихает. Свет в глазах у меня сгущается, завихряется спиралью, из вихря выглядывает смешная острая медная мордочка пули, невыносимо долго висит она у меня перед глазами, прежде чем войти с ласковым глубоким поцелуем в левый глаз, и вот взрывается моя голова, забрызгав кроссовки стоящим рядом, высунувшим языки псам Бадри.

21. Холодные закуски

Голые деревья, дождь. Цвета улицы – рыжий и черный. Даже плакаты «Единой России» завяли и слиняли до серого. В редакции идет планерка. На стене висит портрет президента. С тоской смотрит в окно журналист Латкин.

Девочка Женя плачет среди почти собранных чемоданов. По телевизору выступает и.о. губернатора Вячеслав Володин. Вид у Володина торжественный.

Павел Анатольевич в автосалоне почтительно внимает продавцу, демонстрирующему ему салон новой «Камри».

Егор в баре «Фредди» попивает кофе. В центре зала расточает улыбки Лиза, на груди ее табличка с надписью «Администратор».

В кабинете Серого дома раздается телефонный звонок. Старший лейтенант Бессонов берет трубку.

– Слушаю вас. Я, Бадри Автандилович. Узнал, конечно, узнал. Во сколько? Где? Буду, Бадри Автандилович. Вам спасибо, Бадри Автандилович.

В квартире Латкина звенит звонок. Он открывает. На пороге любимая. Он приваливается плечом к двери. Она что-то спрашивает. Он кивает. Она проходит мимо него в квартиру, бегло посмотрев на себя в зеркало и чуть крутанув головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.